

Иван Беляев

«Особое на то разрешение...»

Владение оружием в дореволюционной России начала XX века

7.12. 1905 года Новгородским губернатором издаётся обязательное постановление «О хранении и продаже огнестрельного оружия». Это было сделано после циркуляра Министра Внутренних Дел № 5936 от 27 ноября 1905 года о «Высочайше утверждённой 24 минувшего ноября Мемории Совета Министров», которая предоставляла губернаторам «...в местностях, не объявленных в исключительном положении, ... право издавать на срок не более 3-х месяцев обязательные постановления относительно огнестрельного оружия и налагать собственною властью за нарушение означенных постановлений в административном порядке взыскания». Так, благодаря революции 1905 г., в Новгородской и ряде других губерний появляются разрешения на оружие. С этого момента для владения и ношения при себе огнестрельного оружия и патронов к нему требовалось «особое на то разрешение полиции».

Для приобретения огнестрельного оружия и патронов нужно было именное свидетельство, выдаваемое начальником местной полиции, а лицам, состоящим на действительной военной службе, – подлежащими войсковыми начальниками или комендантскими управлениями. Передача оружия и патронов от одного лица к другому «допускалась ...не иначе как с разрешения того же начальства». Продажа огнестрельного оружия и патронов позволялась только из магазинов и складов, имеющих разрешение на право торговли оружием. Владельцы магазинов и складов оружия обязаны были вести особые книги, в которые вносилось всё имеющееся и получаемое оружие. При продаже отмечалось, кому, когда и какое оружие и припасы проданы, а также адрес покупателя. В магазине у покупателя свидетельство изымалось. В случае необходимости по распоряжению губернатора оружие и припасы могли быть «во всякое время отобраны из магазинов и складов... с передачей для временного хранения в помещения, указанных губернатором». За сданное полиции по описи оружие отвечало государство. В случае утраты «разрешённого к хранению оружия» необходимо было в течение трёх дней заявить местной полиции.

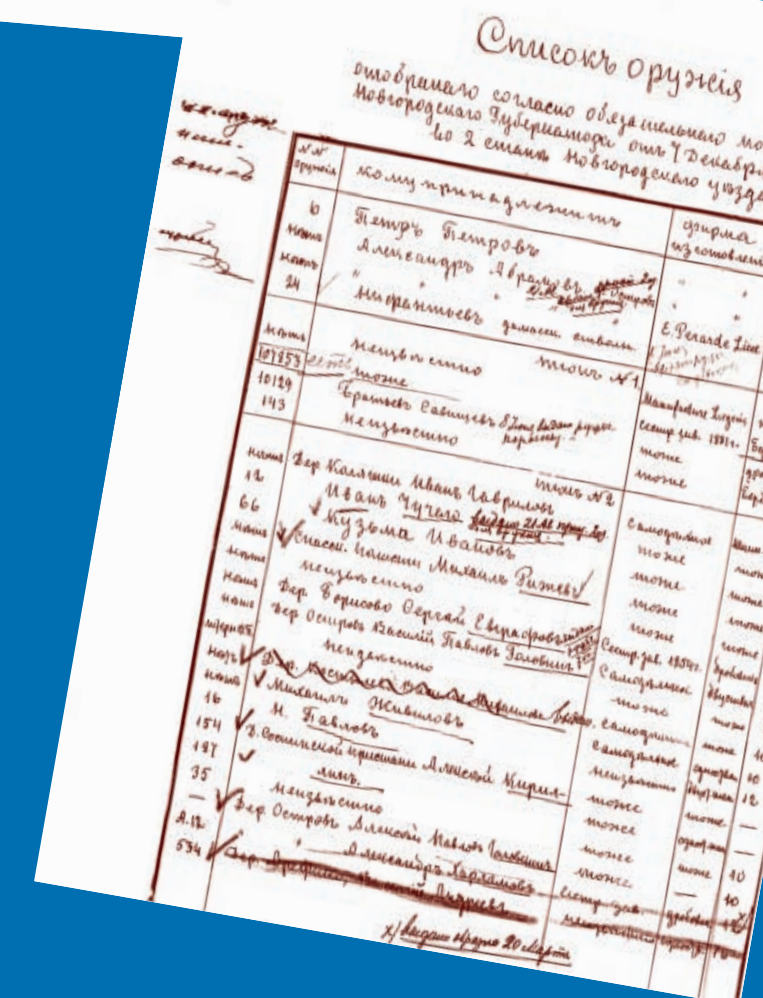
Виновные в нарушении правил, «а равно задержанные полицией с оружием, приобретённым до издания сих правил, не испросившие указанного свидетельства», подвергались «в административном порядке по постановлению губернатора денежному штрафу до пятисот рублей или аресту до трёх месяцев». Действие этого документа не распространялось на охотничьи ружья и патроны, которые оставались в свободном обращении.

Правила вступали «в силу немедленно по их опубликовании». В Новгородской губернии за дело взяли почти сразу и с должным размахом: конфисковывали всё, что стреляет. Принесло ли такое усердие пользу, мы не знаем, но вот то, что ненужной работы и забот прибавило – несомненно. До конца 1907 года население сдавало, а затем возвращало сданное ранее оружие, разыскивало его. Для того, чтобы вернуть конфискованное оружие, нужно было писать прошение или предоставить удостоверение от сельского старосты. Удостоверения писались на листе бумаги от руки и заверялись печатью старосты сельского общества. Конфискованное оружие могло быть возвращено в течение недели, месяца и более. Все зависело от нескольких факторов:

а) где находится оружие (у пристава, или уже представлено «Господину Новгородскому уездному исправнику»);

б) были ли указаны номер, приметы («на одностволке у казённой части стянуто проволокой и треснуто немного ложе»).

В связи с этим Новгородским губернатором 21 февраля 1906 года был подписан циркуляр полицмейстеру и уездным исправникам, согласно которому при конфискации оружия должна быть произведена подробная его опись с указанием на фирму, его изготовившую, а равно на год изготовления, если имеется на оружии о том отметка. До конца 1907 года вопросами оборота огнестрельного оружия занимались чины от полицмейстера и уездных исправников и ниже.

Только в конце 1907 года появляются документы, дающие нам право говорить о действии правил в полном объёме, о добросовестном (в том числе без перегибов) отношении должностных лиц к их исполнению и о контроле губернатором этого вопроса.

Во-первых, в период в 1905 по 1907 гг. для губернаторов (и для новгородского), первоочередной задачей было недопущение в губерниях всевозможных проявлений революционного движения, захлестнувшего страну. В это время губернатор напрямую не занимался оборотом огнестрельного оружия, если оно не было «образцов, употребляемых в войсках», распространению которого среди населения ещё в конце XIX – начале XX вв. было придано политическое значение. Вплоть до 1917 года случаям изъятия казённого оружия уделялось особое внимание. Во-вторых, были объективные причины другого характера: издание обязательного постановления всего на 3 месяца вносило неопределённость, порождало естественное желание переждать. В документах периода с 1905 по конец 1907 года нами найдено всего лишь одно прошение на выдачу свидетельства неким Мусаковым, которому «по роду службы «было необходимо» иметь оружие для самозащиты». Вместе с тем власти нужно было исправлять сложившуюся ситуацию, поэтому в 1905 и к 1907 гг. оружие просто конфисковывалось без вынесения каких-либо взысканий, тем более губернатором.

И третье, возможно существует ещё одна причина, субъективная: в 1907 году в Новгороде меняется губернатор. Вместо Оттона Людвиговича Медема им становится Петр Петрович Башилов.

Губернатор являлся одной из ключевых фигур – в вопросе выдавать или не выдавать свидетельство его решение было последним. Так, на основе заключения новгородского губернатора 23 декабря 1908 года министром внутренних дел отставному полковнику Д. Г. фон-Виттену было разрешено получить из Танхойской таможи охотничье ружьё за № 78063, задержанное таможенным надзором. Из-за решения Вологодского губернатора, который на запрос о выдаче артельщику Гладилову разрешения на право ношения револьвера ответил: «...не могу изъявить согласия,

так как сведений о нём не представилось возможным за непроживанием в указанном вами месте жительства», последнему пришлось несколько месяцев ждать, пока будет собрана вся информация, что он «ни в чём предосудительном как в нравственном, так и политическом отношении замечен не был».

Отметим ещё раз, что без согласия губернатора получить разрешение было очень сложно, поэтому очень многое зависело от личности губернатора, его взглядов. Новгородцам в какой-то степени, видимо, повезло, так как губернатор П. П. Башилов считал, что «степень надобности не подлежит контролю полиции. Надо только, руководствуясь сведениями о благонадёжности и в соответствии сему, отвечать прошениям о разрешении».

На имя губернатора писались прошения: «Имея оптовую торговлю в г. Новгороде, мне необходимо иметь на предмет самозащиты и охраны торгового помещения огнестрельное и холодное оружие, а потому на основании вышеизложенного смею обратиться к Вашему Превосходительству с покорнейшей просьбою выдать мне свидетельство на право приобретения и ношения упомянутого оружия». И, наконец, губернатор выносил постановления о наложении взысканий и следил за их исполнением: «Ввиду постановления моего от 18 сего августа о наложении на (Ф. И. О. – прим. автора.) административного взыскания – ареста на 3 дня – за нарушение действующего в губернии обязательного постановления от 7.12.1905 г., предлагаю Вашему Высокоблагородию (череповецкому уездному исправнику – прим. автора.) привести это постановление в исполнение и о последующем донести мне. Отобранный револьвер уничтожить». В случае наказания жителя другой губернии за нарушение им действующего в Новгородской губернии обязательного постановления об этом сообщалось по месту жительства для «приведения постановления (о наложении взыскания. – прим. автора) в исполнение».

Губернатору всегда сообщалось о исполнении наказания: «...доношу Вашему Превосходительству, что Герасим Кононов отбыл наложенное на него взыскание с 22 по 25 июля сего года», или «доношу Вашему Превосходительству, что распоряжением моим взыскано с крестьян Мергинской волости деревни Чалексы М. В. Вдовина и М. А. Щаникова, К. М. Щаникова, С. О. Доронина по 1 руб. с каждого согласно постановления Вашего от 11 октября сего года, каковые и внесены в Белозерское уездное казначейство под квитанцию за № 885146».

Говоря о наказаниях, нужно отметить, что новгородский губернатор подходил к этому вопросу внимательно.

Великий Новгород начала XX века

Постановление выносилось по материалу каждого дела, а не шаблонно. За продажу револьверных патронов «без обладания свидетельством на таковую» купец Н. И. Белозеров был арестован на 2 недели. За стрельбу «в доме, где собрался народ», некий Гордеев был подвергнут аресту на 7 дней и, независимо от этого, к уголовной ответственности по ст. 117 «Уложения о наказаниях». Отобранный револьвер был конфискован.

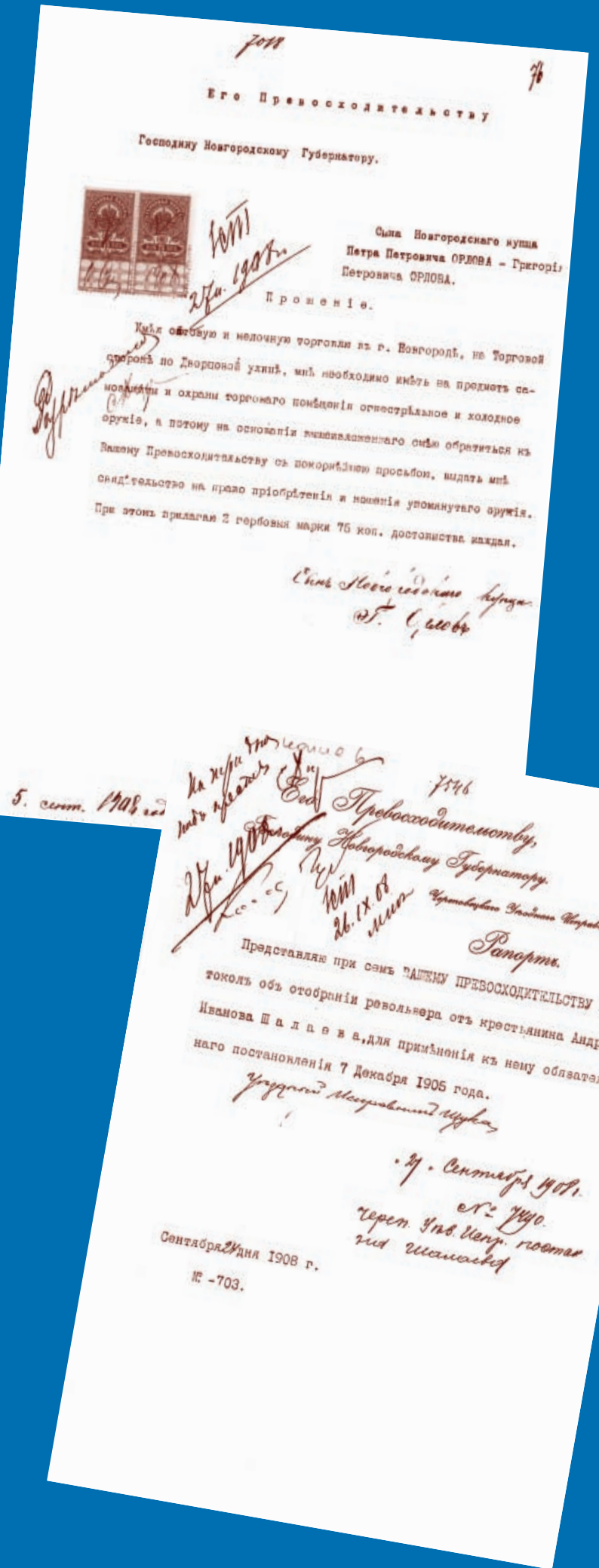
Для привлечения к ответственности по ст. 140 «Уложения о наказаниях» в волостной суд был препровожден крестьянин Васильев, который с 16-летним сыном угрожал заряженным пистолетом «односеленному крестьянину Фирсову». За стрельбу в пьяном виде, последствием которой было ранение учителя Потёмкина в ногу, на купеческого сына Чусова был наложен месячный арест. Прошение Чусова о замене наказания штрафом или домашним арестом губернатор оставил без последствий. А дело поручика Богдановского, стрелявшего из револьвера на улице, губернатор постановил «послать на распоряжение господина командира полка». Аресту на 9 и 5 дней были подвергнуты некие Евстюничев и Красильников, которые, как следует из протокола, распивали спиртные напитки в Софийском саду. У Евстюничева был изъят револьвер «Бульдог», из которого он случайно выстрелил и, как потом оказалось, ранил Красильникова в ногу. У последнего, в свою очередь, был изъят кинжал.

Губернатор мог постановить «револьвер конфисковать и разъяснить последнему, что на право ношения и хранения оружия, согласно действующему в губернии обязательному постановлению, требуется надлежащие разрешение». «Ввиду нетрезвого поведения» можно было лишиться разрешения на право ношения револьвера. Разрешение могло быть отобрано и по другим причинам, как, например, у крестьянина А. Иванова, который «им (свидетельством – прим. авт.) не пользуется, а револьвер продал старорусской мещанке ..., не имевшей установленного разрешения».

Из рассмотренных документов следует, что конфискованное оружие, которое до постановления губернатора, как правило, хранилось при полицейском управлении, уничтожалось или сдавалось на артиллерийский склад, где хранилось в течение года. У некоторых лиц, законно имевших оружие, оно конфисковывалось, так как никакого свидетельства при себе они не имели.

Случалось и другое. На вокзале в г. Старая Русса у крестьянина Никиты Изосимова Осипова был отобран револьвер из-за того, что в паспорте он ошибочно был «означен» Никитой Осиповым Изосимовым.

Документами, разрешающими приобретение, ношения огнестрельного оружия и припасов, были удостоверение или свидетельство. Какая между ними была разница, непонятно не только сейчас, но, видимо, и тогда, что служило поводом к прошениям «выдать удостоверение, так как присланное удостоверение на право ношения в уездах губернии во время служебных командировок револьвера с патронами ... не даёт право на приобретение револьвера, которого он не имеет...». Об этом же свидетельствует переписка одного из советов с канцелярией новгородского губернатора, «что номер и систему револьвера, коим предложено снабдить (Ф. И. О. – прим. автора), совет может сообщить лишь после того, как

означенное оружие будет им приобретено. Приобретение же револьвера, как это должно быть известно канцелярии, обуславливается представлением выданного подлежащим учреждением установленного свидетельства».

В одних случаях удостоверения выдавались «...предъявителю сего», как например, «Новгородскому полицмейстеру коллежскому советнику Сердюкову разрешается приобрести в магазине Гвардейского Экономического общества 12 пистолетов Браунинга и 900 к ним патронов для вооружения Новгородской городской полиции. Губернатор». В других выданным 8 сентября 1908 года удостоверением некоему Орлову разрешалось «приобретение и ношение при себе огнестрельного и холодного оружия». Удостоверением могла быть справка: «Выдано настоящее удостоверение из Мышкинского уездного полицейского управления отставному штабс-ротмистру Лейб-гвардии гусарского Его Величества полка Н. Д. Тумановскому в том, что 26 мая 1908 года за № 845 сим управлением было выдано свидетельство ему, г. Тумановскому, на предмет приобретения, хранения и ношения 3 револьверов с 50 патронами для служащих в имении его лицам».

Свидетельства, как, видимо, и удостоверения, были именные. Из-за этого, например, уездному земскому собранию, постановившему приобрести для почталюнов револьверы, прошение пришлось дополнять именным списком. В свидетельстве указывалось: «Предъявителю сего, состоящему на службе на Северной железной дороге, вологодскому мещанину Гладилову разрешается ношение при себе револьвера с патронами. Гербовый сбор уплачен».

Иногда попадают документы, в которых упоминается «разрешение» (в контексте): «...уничтожению выданного ему разрешения на право ношения револьвера и отобраанию револьвера...», поэтому в данном случае уместнее говорить о синонимах или общем названии документа (удостоверение – свидетельство), отражающем его назначение.

В Новгородской губернии прошение о разрешении могло быть подано не только губернатору, но и полицмейстеру или уездному исправнику, а до 1907 года только на имя последних и подавались. На имя исправника и полицмейстера писались рапорты об изъятии оружия. Собрав весь материал или проведя в случае надобности расследование, названные чиновники направляли дело губернатору для вынесения постановления, иногда с собственными предложениями, как, например: «...прошу Ваше Превосходительство о применении к Погодину обязательно постановления от 11 августа сего года в высшей мере, потому что Погодин получил образование в двухклассном училище и обязательное постановление ему известно; кинжал изготовлен самим, видимо, для безобразий...». Можно допустить, что в некоторых незначительных случаях исправник или полицмейстер сами выносили постановления, не отправляя дело губернатору, а только ставя его об этом в известность. Исправник сообщал губернатору о своих решениях отказать в выдаче разрешения. Нужно отметить, что, выдавая разрешения, полицмейстер или исправник для приобретения оружия сами вынуждены были его получать у губернатора.

В результате сложившаяся в Новгородской губернии (и не только) система по контролю за оборотом оружия, состоящая из губернатора (отвечал за всё, что происходило в губернии, выдавал разрешение на приобретение, хранение, торговлю оружием, выносил постановления о наказании, был своего рода апелляционной инстанцией в случае, если прошение было отклонено исправником или полицмейстером), исправника и полицмейстера (имели право выдавать разрешение на приобретение и хранение оружия, предоставляли губернатору дела о нарушениях обязательных постановлений), пристава (исполнитель, обеспечивал порядок, был подчинён исправнику, предоставлял на его имя рапорты о нарушениях, изъятиях и т. п., проводил необходимые дознания и т. п.) и урядника (подчинялся приставу), позволяла выполнять задачу по легализации и изъятию у населения губернии огнестрельного оружия, которого к 1905 году из-за пущенного государством на самотёк неконтролируемого распространения было у населения большое количество. Население, которое до этого свободно меняло, покупало «...года 2 тому назад у крестьянина... за 1 руб. 50 коп. как за долг; «находило в снегу», закладывало, дарило и т. д. огнестрельное оружие к обязательным постановлениям относилось скептически, не понимая, зачем нужны такие сложности, как разрешения, покупая оружие «на улице у неизвестного ...мужчины ... с той целью, чтобы продать кому-либо дороже».

В силу ряда особенностей российского менталитета и законодательства, появившийся в кратчайшие сроки механизм по контролю за оборотом оружия, который затем уточнялся обязательными постановлениями, на тот момент был наиболее эффективен. К этому располагало и командно-административное устройство государства, когда за всё происходящее в губернии отвечал губернатор.

Благодаря обязательным постановлениям, которые издавались губернатором, а не спускались сверху, законодательство об оружии намного быстрее приспособлялось к реалиям времени, принимало оптимальные формы.

В 1910 году нормы обязательного постановления были несколько конкретизированы. Охотничьим ружьем признавалось «только гладкоствольное, безразлично к тому, имеется на нём прицел или нет. Гладкоствольные ружья центрального боя, а также переделанные на гладкие из винтовки Бердана № 2 для стрельбы дробью». Указывалось, что свидетельства на приобретение револьверов действительны лишь в течение года со дня выдачи. Появилось указание на запрет продажи в гражданских магазинах «...кому бы то ни было оружия казённого образца. Обязательные постановления публиковались «Губернских ведомостях» каждые три месяца в нескольких номерах подряд. 15 мая 1913 года Новгородским губернатором было издано очередное обязательное постановление, в котором был расширен список охотничьих ружей. Теперь к ним относились и «...нарезные, которые имеют откидные для открывания казны стволы». Патроны (кроме охотничьих) теперь отпускались по предъявлении свидетельства на право содержания (а не приобретения, как раньше) «того именно оружия, для которого эти патроны приобретаются». Стоит отметить, что в постановлении фигурируют 3 вида свидетельств:

- а) на право покупки;
- б) на право содержания;
- в) на право хранения при себе.

И, пожалуй, самое главное: «на приобретение оружия охотничьих образцов» особого разрешения по-прежнему не требовалось, но теперь «...лица, имеющие уже или вновь приобретающия охотничье оружие, обязаны сообщать о сем ближайшему классному чину полиции или уряднику для безплатнаго зарегистрирования в особую шнуровую книгу».

В заключение нужно отметить, что в провинции, каковой являлась Новгородская губерния, живущей своей жизнью, местную власть больше заботило не наличие у населения огнестрельного оружия, а совсем другие вопросы: моральное расслоение молодежи, деградация населения, пьянство. Обязательным постановлением новгородского губернатора были запрещены финские ножи, гири и т. п. оружие (постановления о запрещении холодного оружия издавались параллельно), наиболее употребляемое при разбоях, в то время когда пистолет, револьвер считались оружием самообороны, которым, получив разрешение, можно было владеть.

В 1914 году положение дел несколько меняется. В государственных интересах губернаторам приходится руководствоваться секретными циркулярами, хлынувшими один за другим.

В октябре 1914 года МВД признается «нежелательным» оставление оружия у «...германских и австро-венгерских подданных», в связи с чем было сделано распоряжение о изъятии у них оружия и выданных им свидетельств. Исключение было сделано для занимающихся охотничьим промыслом, которым были выданы срочные свидетельства.

16 января 1915 года появляются правила «О порядке выдачи разрешений на право приобретения и содержания оружия». Теперь только губернатор выдавал разрешения на право приобретать и содержать револьверы и пистолеты. Разрешение выдавалось в виде исключения.

Начальники полиций выдавали разрешения на право приобретать и содержать ружья неавтоматических систем и холодного оружия.

Разрешения на содержание оружия казённого образца выдавались в исключительных случаях и только МВД.

Для выдачи разрешения теперь, в первую очередь, выясняли, насколько оружие необходимо, а затем собирали сведения о благонадёжности и т. д.

Свидетельства на право содержания оружия стали:

а) бессрочными – выдавались «лицам, известным в данной местности по своему служебному или имущественному положению...».

б) срочными. На срок 1-5 лет «...для известной надобности или на время состояния данного лица в занимаемой должности...».

Свидетельства на содержание револьверов и пистолетов не выдавались (только в исключительных случаях) крестьянам и лицам, проживающим в сельской местности. Учащимся средних и низших учебных заведений охотничье оружие можно было приобрести только с письменного дозволения начальника учебного заведения и родителей, опекунов т. д.

